

С.С. Богуш почему-то Дедяков локализовал... на реке При-
пять.

Сведения русских летописей недвусмысленно указывают на место расположения «славного города»: он был недалеко от Аланских ворот. Некоторые помещают его на территории нынешнего Владикавказа, другие — у выхода Терека в степную зону у сел. Эльхотово.

Вторая часть названия города Дедяков, т.е. *ков*, соотносится с осетинским *кау* («селение»). Вызывает споры первая часть названия.

Л.И. Лавров высказал предположение, согласно которому Дедяков/Тетяков был тем аланским городом, который, по сведениям Плано Карпини 1246 г., монголы осаждали в течение 12 лет. Данная гипотеза нам кажется очень интересной. (Вопреки Е.Г. Пчелиной, которая считала приведенную гипотезу неприемлемой.)

И.Т. Марзоев

ПРАВИТЕЛИ КУРТАТИНСКОГО УЩЕЛЬЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Куртатинское общество Северной Осетии располагалось в ущелье реки Фиагдон. Общество состояло из двух частей — Куртатинской и Цимитинской общин, названия которых произошли от собственных имен Курта и Цимити — родоначальников привилегированных фамилий Куртатинского общества. Представитель высшего сословия этого ущелья носили титул *куртатинский таубий* (*таубий* с тюркского означает «горский князь»). Так же как и феодалы других осетинских обществ, они обладали следующими привилегиями: владение крупной земельной собственностью, намного превышающей размеры угодий рядовых общинников; эксплуатация экономически зависимых *фарсаглагов*; использование института *кавдасардов*; владение холопами; принадлежность к «лучшим и почетнейшим», «самым древним, знатнейшим» фамилиям своего общества, признававшего преимущества «знатнейших» перед прочими; сословное равенство или, во всяком случае, сравнимость со знатью соседних осетинских обществ и дворянами Кабарды (Бзаров 1988: 44).

В «Адатах кавказских горцев» Ф.И. Леонтович приводит перечень привилегированных родов куртатинцев: «Тамбоната, Наэфоната, Оласех, Кунаната, Дадегата, Бадзиага, Гутиата, Адиата и Богульте» (Леонтович 1883: 15). Три первые «фамилии» пред-

ставляют собой названия трех колен куртатинцев, три вторые «фамилии» — трех колен цимитинцев. «Других узданылагских фамилий нет. Ни одна из этих фамилий не считается ни старшей, ни младшей, а все они находятся в одинаковой степени старшинства. Узданылагское достоинство не приобретается ни покупкой, ни заслугами, а остаётся единственно в роде этих фамилий, признанных народом в этом достоинстве издревле» (Лонтович 1883: 11).

Надо отметить, что наиболее влиятельные фамилии в Куртатинском обществе не были постоянными. Случалось, что «ранее незаметные фамилии оказывались на поверхности, добивались признания своей силы. Причинами этого были междоусобные войны и хозяйственные затруднения» (Блиев 1964: 30).

Документы «Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» называют 19 привилегированных фамилий: Арисхановы, Боговы, Борсиевы, Гайтовы, Гуриевы, Есиевы, Сокаевы, Тезиевы, Худзиевы, Цаликовы, Цопановы, Гусовы, Гумецовы, Елоевы, Каргиевы, Таучеловы, Габисовы, Гутиевы, Томаевы (ЦГА РСФСР-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 30. Л. 54).

Сами же куртатинцы, 28 января 1860 г. выбранные народом из всех сословий, «почетные и заслуживающие доверия депутаты в присутствии Комитета относительно своего сословия, ищущего преимущества перед другими сословиями этого же общества, показали следующее: “В обществе нашем, как теперь, так и прежде пользовались некоторою предпочтительностью не только между своим обществом, но и в других соседних народах следующие фамилии: Арисхановы, Богаевы, Борсиевы, Гумецаевы, Гусовы, Гуриевы, Габисовы, Гайтовы, Есиевы, Сокаевы, Томаевы, Тезиевы, Цаликовы, а также и цимитинские: Елоевы, Каржиевы, Гутиевы и Таучеловы”» (Материалы 1953: 30).

«Комитет для разбора личных и поземельных прав туземного населения левого крыла Кавказской линии» провёл опрос депутатов Куртатинского общества от всех сословий, а также депутатов соседних обществ и народов тагиатского, алагирского, дигорского, кабардинского и др. <...> Все они сошлись на признании в Куртатинском обществе двух сословий: “высшего” и “низшего”, на признании того, что высшее сословие, как прежде, так и в последнее время было “почетное” и пользовалось некоторым предпочтением не только между своим обществом, но и у соседних народов. Депутаты называли и фамилии этого привилегированного сословия, но расходились в их числе. Так, сами куртатинцы относили к привилегированным следующие фамилии: Арисхановых, Боговых, Борсиевых, Гумицаевых, Гусовых, Гу-

риевых, Габисовых, Гайтовых, Есиевых, Сокаевых, Тезиевых, Цаликовых и Цопановых; сюда же относились и цимитинские привилегированные фамилии: Елоевы, Карджиевы, Гутиевы, Таучеловы; алагирцы же насчитывали у куртатинцев только 11 привилегированных фамилий; тагиатские и дигорские депутаты называли только 9: Гайтовых, Томаевых, Тезиевых, Есиевых, Цаликовых, Борсиевых, Цопановых, Гуриевых и Фарниевых. Депутаты неосетинских племен называли лишь 4 привилегированные фамилии, а именно: Цаликовых, Тезиевых, Есиевых, Гуриевых, а кабардинцы в этом составе вместо Гуриевых называли Борсиевых» (Скитский 1947: 100). Из показаний Комитета следовало, что «Есиевы и Тезиевы назывались алдарами, имели владельческое право, брали подать с поселяемых на их землях» (Скитский 1972: 204).

7 марта 1873 г. уполномоченные от привилегированных фамилий обратились к начальнику области с прошением, в котором говорится:

«1. Из народных преданий и исторических данных известно, что Курта и Тага были родными братьями, доказательством чего служат древние постройки в Куртатинском ущелье, оставшиеся от названных братьев и называются именами Тага и Курта.

2. Доказательством равноправности их с тагаурскими алдарами служат следующие факты: а) одинаковая кровная плата при взаимных убийствах, так, например, кровные дела между фамилиями тагаурскими Кануковыми и куртатинскими Худзиевыми, тагаурскими Мамсуровыми и куртатинскими Цопановыми и т.д.; б) одинаковая высшая плата в калым как у них, так и у тагаурцев, и затем при русском правительстве одинаковое право при поступлении на службу и определении детей в кадетские корпуса и другие учебные заведения. Как у тагаурских алдар, так и у высшего сословия куртат существовала относительно своих фарсалагов и кавдасардов высшая плата калыма; у них он был в 100 коров и от 6 до 12 быков.

3. До водворения русского владычества на Кавказе у них в Осетии только высшие сословия имели в зависимости крепостных, что было, как и у них, так и у тагаурских алдар, так что было в обычае: тот, кто не имел уважения и высшего достоинства по фамилии, не мог брать из других сословий номылусок (именных жен. — *И.М.*) и никто из низших сословий непривилегированному не отдал бы своей дочери» (Материалы 1953: 192).

В 1866 г. сословная комиссия признала, что в Осетинском округе к дворянскому сословию могут быть причислены тагиаты, бадилаты и куртаты. В 1871 г. начальник Терской области

Лорис-Меликов считал возможным отнести к привилегированному сословию «высшее куртатинское сословие, известное под именем “куртат”». «В уставе о службе гражданской в своде законов (т. III, ст. 3–33, 1876 г.) было установлено, что алдары, бадилаты и таубии принимаются на гражданскую службу, как “принадлежащие к привилегированным сословиям”. Таким образом, правительственная власть признала куртатинских таубиев равными алдарам и бадилатам» (Скитский 1947: 102).

В 1907 г. Елоев Александр Заурбекович в доказательство привилегированного положения своей фамилии, а также ее отношения к сословию куртатинских таубиев, ссылаясь на ряд документов:

«1) показания Комитета, учрежденного в 1858 году для разбора личных прав туземного населения левого крыла Кавказской линии;

2) предписание И.Д. Начальника Терской области Владикавказского округа от 23 февраля 1871 г. за № 895;

3) предписание Владикавказского полицейского управления от 17 мая 1871 г. за № 992;

4) И.Д. Пристава Куртатинского участка, книга: “Материалы для новой истории Кавказа от 1722 г. по 1803 г.”;

5) распоряжение Штаба Кавказского Военного Округа от 30 декабря 1900 г. за № 23659;

6) дела Областного правления — Указ Высочайший 1896 г. октября 5 дня. (Указ этот значится в канцелярии Вашего Превосходительства) отд. V.» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 13. Д. 869. Л. 4).

Как уже было сказано, высшее сословие Куртатинского общества — куртатинские таубии — приравнивалось в правах к высшему сословию Тагаурского и Дигорского обществ. В 1853 г. кабардинские князья засвидетельствовали, что владельческие фамилии Есиевых и Тезиевых пользовались «сравнительным уважением и преимуществом против своих единоплеменников», и сравнили эти фамилии с кабардинскими первостепенными узденями (ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 34. Л. 15). О равенстве куртатинских феодалов с феодалами других осетинских обществ говорят также и браки, заключавшиеся ими с тагиатами, баделятами, алагирской знатью, а также с феодалами других кавказских народов. Так, в архивных документах середины XIX в. зафиксированы родственные отношения представителей куртатинских феодальных фамилий с такими известными кабардинскими и балкарскими родами: Абаевыми, Айдаболовыми, Анзорowymi, Ахловыми, Бикановыми, Болатовыми, Боташевыми, Муртазовыми (ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 13).

Библиография

Бзаров Р.С. Три осетинских общества в середине XIX в. Орджоникидзе, 1988.

Блиев М.М. Осетия в первой трети XIX в. Орджоникидзе, 1964.

Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1883. Т. 2.

Материалы по истории Осетии // ИСОНИИ. 1953. Т. 3.

Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Грозный, 1947.

Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972.

Л.Ф. Попова

ИНФОРМАЦИЯ КАК ЦЕННОСТЬ В ТРАДИЦИОННОМ КАЗАХСКОМ ОБЩЕСТВЕ XIX В.

«Казахи живут слухами»
(казахская поговорка)

В системе традиционных ценностей казахов XIX в. особое место принадлежит разного рода информации, в том числе и сведениям злободневного характера. За новостями мужчины словно охотились и добывали их, не считаясь с затратами времени. Наблюдатели казахского быта очень часто описывали подобные ситуации: «Если видят, что кто-нибудь проезжает мимо, то им (казахам. — Л.П.) трудно удержаться, чтобы не подъехать к нему, хотя бы для этого пришлось сделать большой крюк» (Ледебур, Бунге, Мейер 1993).

Вполне очевидно, что если определенные модели поведения в культуре являются типичными, то их формирование мотивировано теми или иными особенностями и потребностями общества. Впервые обычаи *хабарласу* и *узун-кулак* (букв. «длинное ухо») подверг анализу С.Е. Толыбеков, который подчеркнул, что на огромных пространствах информация о происходящем была необходима кочевникам для координации и корректировки процесса кочевания аулов, а также для быстрой и своевременной мобилизации кочевого коллектива в случае военной опасности (Толыбеков 1971: 130–131). Для этого как минимум нужно было точно знать расположение соседних аулов в данный промежуток времени, что и было обязанностью каждого члена родоплеменного сообщества. В колониальный период казахские аулы информировали друг друга о перемещении представителей российской администрации с тем, чтобы по возможности вовремя откоче-